

Ирина Яценникова

RUGRAM

УДК 84(2Рос-Рус)
ББК 881.161.1
Я95

Ячменникова, И.

Я95 Бессветные 1 / И. Ячменникова — М. : / RUGRAM, 2025. — 398 с. — (Бессветные)

Мэтис видит последние воспоминания умерших. Он использует свой дар для раскрытия преступлений, но его главная цель — попасть в дом таинственного учёного, изучающего пси-способности.

Фор страдает от чужих чувств и эмоций. Жизнь телепата превращается в кошмар стоит ему только выйти из комнаты и оказаться среди людей.

Гейб создаёт иллюзии — настолько совершенные, что их невозможно отличить от реальности. Обладая абсолютной памятью, он помнит лишь лабораторию и то, как его подвергали чудовищным экспериментам.

Они — «Особенные». Дом учёного стал их единственным убежищем в мире, где таких, как они, ждут лишь незавидные роли и нет светлого будущего. Но у покровителя слишком много тайн, а его враги уже близко...

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-13187-4

© Ирина Ячменникова, текст, 2025
© Дарья Никифорова, художественное
оформление, 2025
© RUGRAM, 2025

*Посвящается моей дорогой подруге,
преданной читательнице
и вдохновляющей художнице –
Дарье Никифоровой*

ГЛАВА 1

ВЕСЁЛЫЙ ДОМ

В предрассветной дымке разом погасли все фонари. Горячие плафоны проявились в сумерках загадочными розовыми пятнами, словно дорога вела не в психбольницу, а в какую-то волшебную страну.

Поёжившись от утреннего холода, Мэтис натянул на кисти длинные рукава и поправил наушники, чтобы никакие звуки извне не мешали. Мысли снова унеслись вдаль под гармоничные переливы аккордов, попадая во власть воображения. Только дорога, прекрасные виды Прилесья и заслушанная песня на повторе. Группа Staind, если не изменяла память.

*«The road is long
Just one more song
A little something to remind you when I'm gone».*

Маршрутка ловко петляла по лесному серпантину. Укачивало, музыка убаюкивала, но вид будоражил. Солнце величаво показалось на востоке, и синий от сумрака лес приобрёл

причудливый рыжий окрас. Острые сосновые макушки увенчались коронами червонного золота. Утренняя прохлада ещё не отступила, но свет и цвет согревали не хуже уютного пледа.

Идти на приём совершенно не хотелось. Эта тягостная история началась давно и никак не заканчивалась. Больным Мэтис себя не считал, просто несколько лет назад ему хватило глупости совершить ужаснейшую ошибку: сказать правду. Теперь два раза в год приходилось показываться психиатру. До планового осмотра оставалось ещё несколько месяцев, но на днях опекунам позвонили и назначили приём в связи с «переходом на федеральный документооборот», что бы это ни значило.

Ещё несколько минут поездки, и пригретое место сменилось неприветливой металлической остановкой на пустыре. Холод мгновенно пробрался в кеды и стал уверенно карабкаться выше, обещая окутать целиком, проникнуть в самую душу. Мэтис обнял себя за плечи, пытаясь удержать немного тепла, и побрёл вдоль дороги.

В нескольких минутах ходьбы угрюмым кирпичом выдавался из леса «Весёлый дом». То ещё название! Психоневрологический диспансер в этих краях был один, и находился он между районами, окружённый километрами сосен и поросших кустарником оврагов. Мэтису никогда не нравилось это место, да и слухи о нём ходили мрачные. Якобы лет десять-пятнадцать назад оттуда часто пропадали пациенты, а проезжавшие мимо то и дело слышали громовые раскаты, слишком уж напоминавшие выстрелы. То были местные городские легенды, которые не терпелось подтвердить или опровергнуть. Да хоть бы и сегодня — сразу после похода к врачу.

Мимо на бешеной скорости пронеслась машина.

В глаза врезается свет, привоздив к месту. Источный цудок. Злое шипение. Удар раскалывает мир, роня-

ет, отбрасывает. Асфальт, чёрное небо, трава, еловые ветви. Темнота.

Вздвогнув, Мэтис отпрянул от проезжей части.

Подобное случалось постоянно. Эти видения, словно киноленты из чужой памяти, возникали внезапно и казались совершенно реальными. Спонтанное погружение в чужие жизни, которые поспешно обрывались. Всё началось в двенадцать, и первое же признание взрослым привело его сюда — в Весёлый дом. Потрясение, сотрясение, стресс? Возможно, так оно и было, но эти картины продолжали являться уже более трёх лет. Мэтис не верил, что докторá ему помогут, да, пожалуй, и не хотел, поэтому визиты в психдиспансер его раздражали и злили, а ещё напоминали, что бывает, когда с кем-то говоришь откровенно. Призраки, по крайней мере, никому, кроме него, ничего не рассказывали.

Рука машинально потянулась к груди и сжала небольшой крест из дешёвого металла, увенчанный петлёй. Анкх висел на простом шнурке, постоянно выбиваясь из-за горловины растянутого свитера. Никакой пользы от этой вещицы не было, но Мэтис давно для себя решил, что больше доверяет чутью, чем здравому смыслу. Для того у него имелись веские основания. Кто, как не он, мог стать настоящим медиумом-детективом? А своё первое расследование он собирался начать с пресловутого Весёлого дома.

Притаившееся в лесу заведение состояло из двух корпусов, соединённых стеклянным мостом и, как поговаривали, подвалом. В первом здании — поликлиника и дневной стационар, во втором — та самая психбольница, куда Мэтис рассчитывал навеститься. Единственное место, куда ему хотелось попасть сильнее, — крыша двадцатипятиэтажного торгового центра, откуда, по словам очевидцев (которым, возможно, не стоило доверять), открывался вид на всё Прилесье и дальние горы.

Но сначала психдиспансер. Старое здание встретило дешёвой зелёной краской и заплатам линолеумом. Небольшой холл заканчивался гардеробом, в обе стороны уносились широкие коридоры, заворачивавшие после десятка белых дверей, образуя огромную зону ожидания в форме буквы «П» с редкими лавками и растениями в пластиковых горшках. Никаких окон, только одинаковые продолговатые лампы, источавшие скудный жёлтый свет. Людно и неуютно. И очереди не меньше, чем в обычной поликлинике, будто невроты и расстройства люди подхватывали так же часто, как и простуду. Мэтис сомневался, что находились ненормальные, чтобы симулировать болезнь в психушке, а если таковые и были — то обратились по адресу.

На правом повороте коридора начинающий детектив заметил лестницу, ведущую на второй этаж и наверняка в подвал, но дорогу преградила женщина со стопкой бумаг — пришлось отложить затею.

Оказавшись у нужной двери, Мэтис с тоской посмотрел на очередь, а потом на экран телефона. Он не опоздал, пришёл даже раньше на десять минут, а пациентов, томящихся в ожидании, было уже немало. Оставалось лишь занять условную очередь, подпереть стену и плотнее закупорить уши наушниками.

Вскоре стало ясно, что приём уже начался, и вызывали по фамилиям. Всякий раз в коридор выходил молодой человек, больше похожий на студента первых курсов медучилища, но никак не на медбрата, и приглашал кого-нибудь из ожидавших. Пришлось освободить одно ухо, чтобы не пропустить очередь и не застрять здесь навеки. Спустя минут сорок Мэтис наконец услышал свою фамилию. Отпрянув от стены, он поспешил войти, чтобы скорее заполучить забрезжившую свободу.